

Пролог

— Милорд, вы знаете правила.

Невысокий коренастый охранник покачал головой.

— Демоны, это всего лишь апельсин! Ей что, нельзя апельсин?!

— Она ни в чем не нуждается. Пронос любых продуктов и предметов запрещен. Таковы правила.

Пришлось отдать демонов апельсин. Бастиан смотрел, как он исчезает в черном нутре урны, и мрачно думал, что лучшей иллюстрации жизни в последние месяцы и не придумаешь.

Все укатилось в бездну. Ко всем чертям, как бы сказала Деллин.

Скрип решетки выгнали из мрачных мыслей. Это место мало походило на школу, скорее на тюрьму. Хотя нет... он бывал во флеймгордской тюрьме, даже там атмосфера была не такой удушающей. Здесь, казалось, тьма тянула мерзкие щупальца из каждого угла.

Следом за охранником Бастиан прошел во внутренние помещения, миновал магическую завесу, проверившую его на заклятия и артефакты, а затем очутился в крохотной серой комнатке для свиданий. Здесь даже не было стульев: за десять минут, положенных на встречу, невозможно устать.

Гнетущая тишина, серость, запустение — вот что такое закрытая школа.

Самое время преисполниться благодарности Кросту. Или ненависти? Первые годы в Школе Темных Бастиану больше всего на свете хотелось оказаться здесь. Когда магия вышла из-под контроля, когда кровь в венах превратилась в жидкий огонь. Когда больно было каждую минуту существования, и если бы эта боль была физической, он бы стерпел. Ди Файры умели терпеть.

Но вместе с внутренностями магия выжигала душу. Напоминанием о холодном приговоре темного магистра.

Потом появилась Деллин Шторм. Воспитанница Кроста, племянница — так ее представили. Он ненавидел ее за то, что она жива, за то, что свою родственницу Крост не отдал в закрытую школу, заботливо пристроив поближе, под теплое крылышко.

А еще она была красивая. И дерзкая. Давно забытое ощущение желания всколыхнулось, осмотрелось, затащило девочку в подсобку. И там она его поцеловала. Насмешка судьбы: он влюбился в племянницу Кеймана Кроста.

А потом чуть не умер.

— Бастиан...

Он обернулся и мысленно содрогнулся: Брина отчетливо напоминала призрака. Худая до невозможности, в дурацкой форме школы. Под глазами ужасные синяки, бледная, с исцарапанными руками.

— Боги, Брина...

Она бросилась ему на шею, и Бастиан не смог не обнять. Она его сестра. Маленькая родная Брина, которая всегда была рядом. В нее влюблялись все его друзья, на нее восхищенно оборачивались. Ее ждали. И она его обожала, смотрела своими огромными глазищами, смеялась, всецело доверяла брату. Едва не погибла сама от горя, когда думала, что потеряла единственного родного человека. Ее он хранил, будучи призраком, ради нее цеплялся за тоненькую ниточку, удерживающую от смерти.

Она убила девушку, которой огненный король собирался подарить половину королевства. Но Бастиан все равно любил сестру.

— Бастиан! — Она дрожала в его руках, цеплялась, как утопающий цепляется за плавающую в воде деревяшку.

— Все хорошо, малышка. Все будет хорошо.

— Нет! Это... боги, я так больше не могу. Пожалуйста, за-
бери меня, я...

— Брина, это невозможно. Прости, даже моей власти не хватит. Осталось несколько месяцев до суда, они не посмеют назначить высшую меру...

Брина отчаянно замотала головой, а из груди у нее вырвался вскрик.

— Они оставят меня здесь! Я не хочу, Бастиан... это так тяжело, ты не представляешь...

В закрытой школе легко не бывает. Когда целыми днями кто-то грязными лапами лезет в эмоции, доводит их до предела, выплескивая магию, нетрудно сойти с ума. И кто-то сходит. А кто-то умирает. Немногие выходят из закрытых школ живыми и невредимыми, лишенными абсолютно всей силы. Вряд ли Брина справится, она никогда не была сильной девочкой.

— Ты... — Она посмотрела ему в глаза. — Ты сделаешь то, что я попрошу?

— Что, родная?

Он не может ничего. Не может вытащить ее отсюда. Не может закрыть собой от тех, кто хочет ей навредить. Не сумел помочь, был слишком занят личной жизнью, чтобы заметить, как сестру медленно сводит с ума психованный темный бог. Это расплата, только почему по его счетам платят Брина и Делли?

— Сделай так, чтобы это кончилось. Бастиан... пусть они прикажут меня убить, пусть суд...

— Брина! Замолчи немедленно! О чем ты говоришь? Никто не позволит назначить смертную казнь...

— Тогда меня запрут здесь. И это будет длиться вечность. Каждый день, с самого утра. Несколько лет пыток. Пока ма-

гии во мне не останется, пока не останется ничего от меня... и если случится чудо и я не умру, то что? Остаток жизни проведу запертая в доме? Неспособная даже вспомнить, кто я? Так нельзя, Бастиан. Нельзя так поступать с мамой... и с Китти. И с тобой. Подумай, я прошу тебя, подумай!

Она схватила его за руку, прижала к груди, прямо как Китти, когда засыпала. Закрыла глаза и обреченно, до безумия спокойно улыбнулась.

— Тебе нужно быть королем, Бастиан. Отбросить эмоции. Пойми меня, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы меня помнили. А не страдали на протяжении всей жизни. Так будет правильно.

— Брина, я же обещал тебя спасти.

— Просто не всегда спасти означает оставить жить.

— Время вышло! — Охранник с абсолютно каменным лицом открыл дверь в комнату и настойчиво потопал ногой.

— Пожалуйста, Бастиан! Скажи им! Я не могу здесь оставаться!

Это выше его сил. Разве можно собственными руками подписать смертный приговор родной сестре?

— Мне жаль ее, — донеслось ему вслед. — Я ее любила. Попроси прощения, если получится.

Говорят, сильные эмоции разрушают. Магия плотно завязана на них. И если эмоции выходят из-под контроля, магия из дара превращается в проклятие. Детей отправляют в закрытые школы, такие, как эта. Немногих счастливиц — в школу Кроста. Считается, что, если однажды с взбунтовавшейся магией удастся справиться, больше рисков нет.

Но Бастиану казалось, что еще несколько капель — и огонь внутри вырвется наружу. Превратит весь Штормхолд в пепелище.

И он даже не станет рыдать по этому поводу.

Когда-то, глядя на отца, Бастиан думал: однажды ты, скотина, сдохнешь, и я стану королем. Получу эту гребаную стихию и добыю каждую сволочь, которая сидела тогда на Совете, слушала Кроста и кивала с туповатым выражением лица.

А сейчас и неясно, кого добивать. Себя, что ли? Однажды он явно это делает, снова по кругу перебирая тысячи «если». Если бы он был внимательнее к Брине. Если бы он не отрубился мертвым сном рядом с Деллин. Если бы проснулся и услышал, как она ушла. Если бы спустился в гостиную чуть раньше. Если бы сдох, и Акорион не выбрал Брину своим оружием.

День не мог стать еще хуже, поэтому вместо того, чтобы отправиться домой, Бастиан полетел к Деллин. Привычный ритуал: сквозь мутноватое стекло палаты в лекарском доме смотреть на нее. Если долго всматриваться, то можно представить, как дрожат ресницы или изгибаются в легкой улыбке губы. Вообразить, что она проснется, хотя на это уже почти не осталось шансов. У него хватит денег, чтобы магией поддерживать в ней жизнь целую вечность, но какой в этом толк, если нет ни единого шанса однажды вытащить ее?

Если бы он мог, то достал бы собственное сердце и лично заставил его биться в груди Делл.

Сегодня что-то было не так. Лекарка, дежурившая возле входа в лекарский дом, при виде него испуганно вздрогнула и вскочила.

— Лорд ди Файр... лекарь Градиссон просил вам сообщить, я как раз писала...

— Что сообщить?

— Девушка, которую вы привезли... Деллин Шторм.

— Ну?! — рыкнул он, еще больше перепугав девчонку.

— Она умерла сегодня.

Вот так, Делли. Ты все-таки не осталась с ним. Легче ли тебе стало? И что теперь делать тем, кто не может уйти с тобой?

Он должен был на нее взглянуть. Попрощаться, хоть и прощался тысячи раз.

Возле самого входа в крыло, полностью оцепленное, чтобы ни один любопытный взгляд не потревожил Делл, дорожку ему вдруг перегородила Яспера.

— Стой! Тебе нельзя туда.

— Что? — Бастиану показалось, он ослышался. — Мне нельзя увидеть Делл? Она была моей девушкой! Там что, Крост? Какая скотина его пустила?!

— Я.

— Тебе напомнить обязанности, Яспера?

Он рванулся было к двери, но демоница приложила все силы, чтобы удержать.

— погоди! Стой! Выбора не было, она... идем. Идем, посмотришь сам и поймешь.

В комнате было темно. Плотно задернутые шторы, закрытая наглухо дверь. Зрение не сразу позволило рассмотреть, что там происходит, только когда Яспера погасила свет, Бастиан смог всмотреться в две фигуры. И сердце предательски дрогнуло. Потом замерло на секунду в безумной надежде. А потом превратилось в камень.

Крост стоял, опустившись на колено, протягивая руку к темному углу, куда забились худенькая фигурка. Из-за сложенных нетопыриных крыльев было невозможно рассмотреть девушку, только иссиня-черные тяжелые кудри спадали на черные кожистые перепонки. Она боялась, как зверек боится хищника, сжимается в комочек, прячась от опасности.

Взгляд метнулся к постели Делл. Она, конечно, была пуста.

Звук с трудом пробивался через толстое стекло, но Бастиан хорошо умел читать по губам.

— Таара... — медленно произнес Крост. — Посмотри на меня. Не бойся. Дай мне руку.

И она посмотрела. Подняла голову, несколько секунд смотрела безумным, полным отчаяния и страха взглядом, а потом медленно вложила дрожащие пальцы в ладонь бога грозы.

Глава 1

Я проснулась. Демоны, как банально. Как будто бездарный автор не нашел другого способа начать книгу. Герой проснулся — и вот вам отправная точка. Что же он будет делать дальше? А дальше, по канонам, мне нужно было подняться и посмотреть на себя в зеркало, чтобы читатель понял, как выглядит бедняга, замученный графоманом.

Только маленькая проблемка: в комнате, где я спала, не оказалось зеркала. И, хаос их всех раздери, это была не дешевенькая книжка. А моя жизнь. Или смерть. Здесь зависит, с какой стороны смотреть.

Во рту пересохло, я поняла, что готова отдать душу за глоток воды, и осмотрелась. Ну да, конечно, Крост не мог оставить меня без воды, но побоялся давать то, что можно разбить, поэтому поставил каменную чашу, невольно навевающую мысли о миске для домашнего зверька.

С учетом того, что я проснулась на полу в темной и абсолютно пустой комнате, картинка получилась довольно забавная. Не была бы я еще голой!

Когда потянулась к чаше, спину пронзило острой болью. От долгого лежания на твердом полу крылья затекли и болели у самого основания. Как будто кто-то выкручивал их из тела. Стиснув зубы, я кое-как доползла до воды и в несколько глотков осушила чашу.

Сквозь заколоченное окно не пробивался ни единый лучик света. Зато в комнате была дверь. Дверь — это хорошо. Это уже шанс выбраться отсюда.

Мне не хотелось кричать и привлекать к себе внимание. Но жизненно необходимо было размять ноги, крылья, понять, где я вообще нахожусь и что происходит. А потом уже решать, что со всем этим делать. Поэтому я бесшумно подошла к двери и прислушалась. Дом был абсолютно тих.

Замок, естественно, оказался заперт, к тому же снаружи еще явно имелся навесной. Но хоть я и чувствовала себя так, словно попала под лапы бешеного дракона, силы не до конца покинули тело. Я вытащила замок вместе с ручкой, оставив безобразную дыру в двери. Надеюсь, Крост не прикипел к ней душой.

Темный коридор, ковер с замысловатым узором, от которого закружилась голова. Какие-то штормхолдские пейзажики на стенах, редкостная мазня, надо заметить. Никого и ничего: кажется, дом был пуст.

Я брела вдоль коридора, открывая все двери подряд. Большинство оказались заперты, но одна комната меня заинтересовала. Интуиция подсказала, что в огромном платяном шкафу можно найти хоть какую-то одежду, чтобы не щеголять в таком виде по дому, пугая случайных зрителей. А когда я открыла дверцы, то удивленно хмыкнула: надо же, меня ждали. Целый ворох платьев: от дорожных до вечерних.

Ну, или это чужие платья, и тогда извините — придется одно позаимствовать.

А вот и зеркало нашлось. Я поморщилась при виде усталого осунувшегося лица со следом ладонки на щеке. Волосы хоть и были чистыми, спутались, а при попытке уложить их в некоторое подобие прически кожа головы отозвалась противной болью.

Плывать, сойдет для начала. Найти расческу и заколку не проблема. Если мир вообще еще жив. Потому что я совсем не была уверена, что не выйду из дома на пепелище, прямоком в апокалипсис. Всякое бывает, я даже не знала, сколько прошло времени.

Голоса стали слышны уже у самой лестницы. Я замерла, прижавшись к стене, вслушиваясь в негромкий разговор. Голос Кроста узнала сразу, кажется, он говорил со мной совсем недавно. А вот его собеседник... понадобилась долгая минута, чтобы осознать: это Акорион. Версия с апокалипсисом стала основной.

— Мне не нужна Деллин Шторм. Мне нужна моя сестра. Если ее нет... значит, никто не смеет быть на нее похожей.

— Ты всерьез считаешь, что я вот так просто дам тебе всю информацию? Деллин Шторм мертва. Ты убил ее руками Брины ди Файр. Что еще ты хочешь от меня услышать?

— Правду, Крост. Деллин Шторм мертва, но у нее нет могилы. Она мертва, но никому об этом не объявили. Ее друзья не скорбят по ней. Может, на то есть причины?

О да, причина была, и я вряд ли смогла бы дальше молча слушать их разговор. После нескольких недель какого-то странного состояния на грани между сном и явью внутри все кипело от нерастроченной энергии. И магической, и другой...

— Привет, мальчики. — Я вышла на свет.

Губы тронула усмешка. С лица Кеймана сошла краска, а в глазах Акориона промелькнула надежда. Под их взглядами я спустилась в гостиную.

— Скучали без меня?

И через секунду надежда в глазах брата сменилась такой чистой радостью, такой нежностью, что, когда Акорион подошел ко мне и попытался заключить в объятия, бить его в челюсть было даже неловко. Ошалевший бог отскочил на добрый метр и уставился на меня обиженно, как маленький ребенок. Я рассмеялась, неожиданно звонко и как-то... жутковато.

— Ей было очень больно, братик. Нож в печень, никто не вечен, да? Нельзя было тихо задушить? Отравить? Утопить? Хотя нет, это не эстетично... ну демоны, Акорион, это на самом деле было больно. И у меня остался шрам.

— Прости, любовь моя. Я...

— Ты. Демонов эгоист без души и мозгов!

Ярость просилась наружу, и я не нашла причин ей отказать. На магию, наверное, не хватило бы сил, но в этот момент я была так зла, что справилась и без нее. Акорион опешил: последнее, чего он ждал от встречи с сестричкой, — что она залепит ему пощечину, а потом острыми когтями вопьется в шею. Капельки черной крови выступили на бледной коже брата.

— Таара... — прохрипел он.

— Что?! — рывкнула я. — Ты меня в ад отправил! Ты со своими играми! Ты хоть знаешь, что такое смерть?! Ты хоть раз умирал?! О нет, ты, сученыш, жил припеваючи, а я отправилась в хаос...

— Таара, ты напугана, но...

— Но что?!

— Ты не представляешь, как я ждал тебя...

— Что? Говори четче, Акорион, — я сжала руку сильнее, перекрывая доступ воздуха, — ни демона не слышно!

Сдохнуть не сдохнет, но шрамы от когтей долго будут украшать рожу. Подумав, я махнула рукой, оставляя три глубокие царапины еще и на щеке.

— Ждал он. С-с-скотина-а-а...

— Да что с тобой такое?! — Он все же приложил усилия и вырвался из моей хватки. — Я сделал все, чтобы вернуть тебя! Это он убил тебя! А не я! Я тебя вернул, что я сделал не так?!

Рядом стоял какой-то стул, его я и подхватила, со всей дури запустив в Акориона. Дури было много, братик отмахнулся от снаряда с завидной легкостью — и окно позади него разлетелось вдребезги.

— Ну вот, — где-то за спиной вздохнул Крост.

Ладно, добьем вручную. Правда, второй раз Акорион уже не дал к нему подойти. Мелькнула мысль взлететь и плюнуть сверху, но люстра висела уж больно низко. Обидно запутаться волосами в канделябре прямо во время атаки.

— Что не так?! — заорала я. — Что не так?! Тебе еще не нравится?! Версия не та! Система к заводским настройкам откатилась, мудака ты бесхребетный!

— Я бесхребетный?!

Меня ощутимо ударило волной темной магии. Недостаточно, чтобы причинить вред, но довольно обидно.

— А кто бросил меня, а?! Оставил расхлебывать устроенное, а сам сбежал в соседний мир?!

— Он запер меня там!

— Ну конечно, ты не виноват. Ты никогда не виноват! А я за тебя подыхай?!

— Да я потратил годы, чтобы ты вернулась!

— Лучше бы ты потратил деньги на нормальную прическу!

На секунду я подумала, будто злость отпустила, но в следующий момент Акорион попытался сгрести меня в объятия, и крышу снова сорвало. Эмоции вместе с магией, которой не давали свободы безумно долго, вырвались наружу яркой вспышкой. Она отбросила брата с такой силой, что он снес кусок стены и приземлился куда-то в кусты. Я сделала глубокий вдох, а Акорион исчез, оставив на память только легкий черный дымок.

Тактическое отступление. Он еще явно не сказал последнее слово.

— О да. Мне полегчало.

— Рад за тебя, — мрачно хмыкнул Крост. — Есть хочешь? Я хотела жить. Не больше и не меньше.

Вкус мяса, тарелку с которым через несколько минут поставил передо мной Крост, был божественным, несмотря на всю иронию этого слова. Есть хотелось так сильно, что я едва не сорвалась и не начала хватать руками, торопливо запихивая в рот все, что попадалось на глаза. Нечеловеческим (снова смешное слово) усилием заставила себя есть спокойно: еду никто не отбирал.

Хотя Крост сидел напротив, будто бы расслабленно облокотившись на спинку стула. Небрежность позы, впрочем, могла обмануть только того, кто ни разу не общался с ним. Он буквально прожигал меня взглядом, и наконец я не выдержала.

— Что?

— Смотрю. Пытаюсь понять, в каком ты состоянии.

— Еще сама не поняла, — честно ответила я. — Сколько времени я жива?

— Несколько недель. Я думал, ты не придешь в себя. Пришлось запереть.

— Ничего не помню. Только голова ужасно болит.

— Не нужно было так кричать.

— Он сам виноват.

— Но голова-то болит у тебя.

— Зато у него следы моих когтей на роже.

— Тогда терпи.

Жаль, я надеялась на какую-нибудь помощь. Когда-то давно Крост умел лечить головную боль одним прикосновением. Хотя вряд ли он еще хотел ко мне прикасаться.

Я почувствовала, что утолила первый голод, и осмотрелась. Дом выглядел здоровенным, но необжитым. Как будто хозяин приходил сюда только ночевать. Или навещать дикую девчонку, запертую наверху.

— Где мы? Какой город?

— Спаркхард.

— М-м-м...

— Рядом моя школа. Я не мог бросить работу, чтобы смотреть за тобой.

— Школа...

Все, больше не смогу съесть ни кусочка. Хотя оставлять недоеденное мясо было жалко. Вообще, складывалось ощущение, будто все время, проведенное в хаосе, меня морили голодом. Хотя вряд ли духи испытывают голод. Скорее, дело в неделях, проведенных в бессознательном состоянии. Я помню последние дни смутными урывками, и, кажется, постоянно кусалась и брыкалась, не способная воспринимать окружающую действительность.

— Что теперь? — спросила я.

— Ты мне скажи. Зависит от твоего состояния. И... — Крост задумчиво на меня посмотрел. — Целей.

— Я не знаю. Что происходит? Чего хочет Акорион? Что планируешь ты?

Крост вдруг поднялся.

— Тебе нужно поспать. Поговорим завтра утром.

— Но...

— Я дам тебе комнату с кроватью, если ты пообещаешь не делать глупостей. Тебе нельзя выходить наружу, ты еще слишком слаба.

— Я никуда не собираюсь. Меньше всего мне хочется бродить по улице с этим, — кивнула на крылья. — Я останусь в доме, можешь не беспокоиться.

— В комнате, — поправил Крост. — Я запроу тебя там.

Я хмыкнула, вспомнив выломанный с мясом замок. Может, Крост не станет ее проверять и не узнает? Хотя, вероятно, едва увидит, запрет меня где-то в более надежном месте. В подземном мире, например... воткнет цепь в скалу возле расщелины с хаосом и оставит там подыхать.

— Но скажи хотя бы, что происходит!

— Делл... Таара, я устал. И не настроен сейчас разговаривать. Обсудим все завтра. Поднимайся наверх. Я принесу тебе полотенце, примешь душ.

Сил и вправду оказалось не так много, как хотелось бы. Возбуждение от встречи с Акорионом прошло, и, едва поднявшись, я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Выругалась сквозь зубы, схватилась за столешницу и пошатнулась.

— Душ подождет, — тут же заключил Крост. — Тебе нужно поспать. Иди сюда.

Он без особых усилий поднял меня на руки. Знакомый запах обнажил давние воспоминания, и я не удержалась: положила голову на плечо и закрыла глаза. Демоны, как хорошо дома! Как приятно, когда единственная боль, которая беспокоит, головная. И когда тебя вот так несут в постель, осторожно опускают на мягкий плед.

— Твои крылья будут проблемой, — хмыкнул Крост.

Я уже заметила: кровать стояла в углу, и крылья на ней не помещались, больно упираясь в стенку. Но все это сущие мелочи по сравнению с блаженством от ощущения мягкой постели.

— Я по тебе скучала, — улыбнулась я.

Протянула руку.

— Иди сюда. Останься.

— Ты либо затыкаешься и спишь, либо я снова отправлю тебя на чердак и на этот раз прикую цепью. Я не шучу, Таара.

— Ладно. — Я подняла руки, сдаваясь. — Все. Сплю. Ты меня не слышишь и не видишь.

Только это было легче сказать, чем сделать. Как уснуть, когда часть тела просто не помещается на постели? Я пыталась спать на спине, поставив крыло торчком вдоль стены — быстро поняла, что это очень больно. Пыталась спать на животе, подняв крылья над собой, но это оказалось все равно что пытаться уснуть с вытянутыми к потолку руками. Пыталась спать на боку и только-только провалилась в дремоту, как перевернулась и со всей дури ударилась крылом о стену. Чуть не сломала, из глаз искры посыпались.

Сколько ругательств вспомнила... Можно целый словарь составить. Желание поспать на мягком боролось с желанием хоть как-то уже поспать, пусть и на полу, и в итоге победило. Поднявшись, я принялась двигать кровать на центр комнаты. Расчет был простой: лягу посередине, и крылья будут одинаково свисать с краев. Недостаточно сильно, чтобы было больно.

Массивная тяжеленная мебель ездил по полу с противным писком. Все силы ушли на выломанный замок и стычку с братиком, поэтому я упиралась ногами в паркет и тащила на себя эту проклятую кровать, поднимая грохот на весь дом. Демоны... надеюсь, спальня Кроста не под этой комнатой. Иначе он уже оглох...

— Таара, что ты делаешь?! — дверь в комнату резко открылась, явив полуобнаженного Кроста с растрепанными черными волосами.

Вот твою же мать, он все еще хорош. И зол...

— Двигаю кровать.

— Зачем?!

— Крыльям неудобно. Очень больно биться ими о стенку. Хочу вытащить кровать на центр комнаты.

— Посреди ночи?!

— Крост, мне неудобно, я хочу спать! Ты когда-нибудь спал с торчащими крыльями?

— Нет, — саркастично ответил он. — Только с рогами.

Я окончательно выдохлась и бросила гиблое дело. Демон с ней, с кроватью. Посплю на полу, восстановлю силы, и завтра передвину эту тварь одной левой.

Окинула взглядом комнату, чтобы прикинуть, в каком месте на полу будет удобнее всего устроиться. Но кровать вдруг сама, по велению руки Кроста, все с тем же противным грохочущим скрежетом переехала на середину комнаты.

— Спасибо, — вздохнула я.

— Пожалуйста. Теперь ты наконец ляжешь спать и перестанешь греметь на весь Спаркхард?

— Да. Я буду спать тихо, как мышь.

В доказательство самых честных намерений я сладко зевнула и потянулась. Крылья потянулись следом, расправились — и так стало хорошо! До того момента, пока кончик крыла не запутался в низко висящей люстре. Красивой, бесспорно, словно сотканной из бронзового кружева, но зачем же такой опасной-то?!

— Ой! — пискнула я, совсем растеряв былую суровость. — Я застряла.

Показалось, Крост сейчас меня добьет. Закопает где-то в саду, в тех самых кустах, куда приземлился Акорион, а всем скажет что-то вроде: «Ну-с, бывает... не выжила девочка, я ее похоронил, вот венок».

Но все же крыло выпустили на волю.

— С ними всегда было сложно управляться. — Я пожалала плечами.

Крост хмыкнул что-то задумчивое — и был таков. Дверь за ним мягко закрылась, и я отстраненно заметила, что обещанный замок на меня не повесили. Хотя гулять по дому все равно не тянуло. Тело ломило от напряжения. Кое-как приспособив крылья, я улеглась и уставилась в потолок. До

ужаса ненавистное ощущение: тебе кажется, что сознание вот-вот померкнет от дикой усталости, но сон все никак не приходит.

А когда приходит — лучше бы и не приходил.

— Дело ведь не только в нем. Во мне. Я отталкиваю тех, кто меня любит: Аннабет, Кеймана. Катарина и король меня ненавидят. Я просто чувствую, что делаю все неправильно. Но не понимаю, как нужно. Не понимаю, как стать хорошей.

— Делли... ты хорошая. Ты не представляешь, как мне хотелось, чтобы ты смотрела с желанием.

— Дело же не в красоте.

— А я не о красоте говорю. Помнишь, мы встретились в магазине? Ты уже тогда была готова сражаться. У тебя невероятные глаза.

— Мне так страшно. Страшно стать ею. Причинить вам боль.

— Я тебе не позволю. Не отпущу тебя и никогда не приму ее. Что бы ни случилось, мне нужна Деллин Шторм. Та самая, которая поливала меня соком в столовой, целовала в подборке, возвращала из мертвых. Я готов быть королем только рядом с тобой, Делл.

— Да твою же мать!

Я открыла глаза. Взгляд метнулся к часам на стене. Прошло почти пять часов, а ощущение было такое, что я только-только уснула. Голова так и болела, хотя вряд ли ей поможет сон. Мне нужно зелье. И свежий воздух. Недели взаперти, в неадекватном состоянии, кого хочешь добьют.

За окном занимался рассвет. Первые его лучи окрасили небо в светло-синий. Желание вдохнуть хоть капельку утренней прохлады стало таким нестерпимым, что после пары безуспешных попыток открыть окно я выскользнула из комнаты и отправилась на поиски балкона. В первой же гостиной второго этажа такой нашелся, к моему счастью — открытый.

У меня не было обуви, и стоять босиком на холодном камне было ужасно неприятно, но как же здорово оказалось почувствовать ветер! Посмотреть на мигающие на темном небе звезды. Вслушаться в шелест листвы деревьев в саду. Различить вдали огни города.

— Ты хоть когда-нибудь осознаешь значение слова «нельзя»? — услышала я откуда-то сбоку.

Крост стоял на соседнем балконе, хотя соседним он был скорее формально: пространство разделяла невысокая перегородка. В комнате за его спиной горел свет. Я рассмотрела книжные шкафы и кусочек письменного стола и сделала вывод, что это был его кабинет.

— Мне не спалось и захотелось подышать.

— Не сомневаюсь.

Я думала, прогонит обратно в комнату, но он отвернулся и облокотился на перила. Задумчиво смотрел куда-то вдаль и казался не то грустным, не то уставшим.

— Что с тобой? — спросила я.

— М-м-м?

— Ты грустный. Что случилось?

— А есть поводы для веселья?

— Не знаю. Ты ведь обещал мне рассказать все утром. Просто я чувствую, что мое присутствие тебя печалит.

— Нет.

И все. Он умолк, не сводя глаз с мазков рассветных красок у горизонта. Я подумала, что насовсем, но через минуту Крост произнес:

— Я по ней скучаю. Я рад, что ты получила второй шанс, но я привязался к Деллин. Она не заслужила смерти.

— Тогда зачем ты ее оттолкнул?

— Не хотел жить по тому же сценарию. Она снова ушла к тому, кого я воспитал через ненависть. Если бы я остался рядом, все могло бы быть хуже.

— Все стало хуже, потому что ты не остался.

— Знаю. Жаль, что последнее ее реальное воспоминание обо мне... неприятное. Деллин не заслужила умирать одинокой. И вообще умирать в девятнадцать.

Мои пальцы, сжимавшие перила балкона, ослабли. Чувствуя, как ноги немеют от холода, я перелезла на Кростову половину балкона.

— А по мне? Ты скучал так, как по ней?

— Наверное. — Он пожал плечами. — По тебе. По жизни, которой не случилось. По ребенку, который не успел родиться. Я не знаю, Таара. Не знаю, кто я, для чего живу, я сам уничтожил все хорошее, что у меня было. Нельзя было хотеть, чтобы ты вернулась. А я хотел. Когда она говорила, как боится этого, я представлял тебя на ее месте. Ругал себя за такие фантазии, но ничего не мог поделать. И сейчас невольно думаю, что судьба исполнила мое желание... за счет жизни ни в чем не виноватой девчонки. Деллин хорошая девочка. Такая, какой могла бы стать ты, если бы я не пытался вырвать твою любовь, а когда не получилось, заменить похотью.

Там, куда вошел нож, противно ныло, и, осознав, что прижимаю руку к груди, я почувствовала, как слезы все же пролились на щеки. Сколько ни давай себе обещаний не плакать, все равно почему-то не выходит.

Поддавшись внезапному порыву, я потянулась к Кросту, вдохнула знакомый запах. Потерлась носом о его плечо и прерывисто вздохнула.

— Ну что ты плачешь? — ласково спросил он.

— Ничего, — обиженно и почти по-детски буркнула я.

— Вечером избил беднягу Акориона, а теперь стоишь босяком и рыдаешь.

— Я так хотела вернуться! Больше всего на свете. А теперь понятия не имею, как жить...

Его рука невесомо погладила меня по спине и волосам.

— Ну-ка, посмотри-ка на меня, — вдруг в голосе Кроста промелькнули нотки подозрения.

— Что?

— В глаза, говорю, мне посмотри.

Я вытерла слезы и задрала голову, послушно уставившись в черные как ночь глаза.

— Ну и что ты помнишь? — спросил Крост.

Спросил так, как обычно спрашивал: «Ну и кто мне объяснит, почему сгорел чулан?» Не оставляя шанса соврать.

— Все.

Подумав, добавила:

— Ну, кроме билетов по артефакторике.

— Да ты их и не знала никогда, — рассмеялся он.

Потом сгреб меня в объятия, уткнувшись носом в макушку.

— Прости меня, детка. Я не знаю как, но попробую тебе помочь. Исправлю хотя бы часть того, что мы с ним натворили.

Этого «прости» очень не хватало там, в хаосе и тьме. Меня тянули к свету другие слова и воспоминания, и, может, если бы тогда было это, я бы вернулась быстрее. Порой казалось, прошла целая вечность.

— Ты ведь не планировала мне рассказывать, да? Так и хотела делать вид, что в домике, да? И Деллин Шторм тебя совсем не волнует, и воспоминаний у тебя ее нет, и вообще ты вся такая крутая стерва с крыльями проснулась от вечного сна и сейчас покажешь нам, как надо веселиться?

— Ты спрашиваешь слишком много, — вздохнула я. — Не знаю. Не знаю, что я планировала. Я подумала, что, возможно, так всем будет проще. Проще принять, что я — другой человек, чем как-то объяснить... черт, это непросто! Я... помню такие вещи... но ведь я знала их и раньше. Мне нужно немного времени. Я не могу стать кем-то, если сама не знаю, кем хочу быть.

— Так, — Крост вдруг отстранился, нарушив трогательную сцену очередным вопросом. — А если ты все помнишь, зачем это ты предлагала мне остаться?

Я хихикнула.

— Отомстила за первую встречу в гостинице.

— А если бы я согласился?

— Ты бы не согласился.

— Понятно, последствия мести опять не продумала.

— Это был экспромт.

— Дать бы тебе ремня, Таара. Или Деллин. Или обеим.

— Эй! Я не хочу загреметь в психушку с раздвоением личности.

— Тогда определяйся скорее. Скрывать тебя долго не выйдет.

— Я не знаю. Это сложно. Я — это я. Понимаешь?

— Нет, и слава демонам. Идем в дом, ты замерзла. Я уже лечил тебя от воспаления легких и не хочу снова занять в доме капризную девицу.

— А, — я отмахнулась, — этому телу ничего не будет. Оно и не такое выдерживало.

— А если однажды не выдержит, ты снова сделаешь удивленный вид и скажешь «ой»?

На самом деле я сопротивлялась больше для вида, ноги заledenели и, по ощущениям, покрылись инеем. Тепло камина, горевшего в кабинете, я встретила с удовольствием.

— Сядь, — сказал Крост, — раз тебе не спится, принесу что-нибудь горячее. Постарайся нигде не застрять и ничего не сломать. Держи крылышки при себе.

— Как скажете, магистр. — Я принялась рассматривать книги на полках.

Кабинет, как и весь остальной дом, совсем не производил впечатления обжитого пространства. Крост здесь не работал, лишь изредка проводил время — об этом свидетельствовали карманный блокнот с пометками на столе и небрежно брошенная на кресло вчерашняя газета. Вот за нее я и ухватилась. Удобно устроилась (насколько вообще это можно было сделать, имея за спиной два здоровенных перепончатых крыла) и приготовилась вникать в последние новости, сенсации и сплетни Штормхолда.

— Я бы тебе не рекомендовал это делать.

Крост вернулся быстро, держа в руках две чашки с чем-то горячим. По запаху и цвету я распознала прогретое вино. Рассмеялась, пригубив пряный напиток.

— То есть я должна сидеть под замком и спрашивать разрешения на короткую прогулку, но раз уж когда-то я была хорошей скромной девочкой и помню те славные времена, то можно выпить?

— Это когда это ты была хорошей скромной девочкой?

— Ты сам сказал об этом на балконе. «Деллин — хорошая девочка». А у меня отличная память.

— Значит, я могу рассчитывать, что в этом году твоя учеба пойдет в гору? Раз память улучшилась?

Я подавилась вином и закашлялась.

— Что?! Я что, все равно пойду в школу?!

— А ты как думала? Тебе нужно научиться контролировать себя. Силу, тело, воспоминания, эмоции. Мне нужно быть в школе, я не могу жить на два места. Пара сотен оболтусов с нестабильной магией на одной чаше весов и ты на другой. Выбор очевиден.

— Капец! — возмутилась я. — Смерть — не повод для прогулов. Скажи еще, что заставишь отработать пропущенный семестр.

— Ты посмотри, и сообразительность повысилась.

С полминуты я думала, как ответить, но не нашлась и снова уткнулась в газету.

— Я серьезно, — сказал Крост. — Лучше не читай. Если ты все помнишь, то не читай.

— Почему?

— Многое изменилось, пока ты... м-м-м... изволила спать.

— Сколько прошло времени?

— Полгода.

Я открыла рот и едва удержала кружку. Полгода? Полгода?! ПОЛГОДА?!

После такого заявления отказаться от просмотра новостей стало почти невозможно. Ждать, пока Крост все расскажет? В своем фирменном стиле «расскажу кое-что, половину умолчав для твоего же блага, а когда все раскроется, сделаю вид, будто надеялся, что ты не узнаешь».

На первой полосе красовалось изображение принцессы, поэтому статья меня не особо заинтересовала. Наверняка какая-нибудь заметка о том, что у Катаринины сорвалась свадьба или Катарина посетила приют для брошенных животных. До тошноты слащавая и позитивная, как и все, что писали о принцессе раньше. Но Крост, когда я, не задумываясь, пере-

вернула страницу, удивленно хмыкнул. Пришлось вернуться. Когда до меня дошел смысл подзаголовка, я замысловато выругалась и хлебнула сразу половину кружки с вином.

«Темные времена: поможет ли Штормхолду жертва безумной богине?»

— Эт-т-то ч-что? — От шока я даже слегка стала заикаться.

— Это проблема номер один. Сайлер.

— Я... это желтая газета, да?

— Боюсь, что нет.

— «Ситуация в Штормхолде угрожает не просто стабильности и процветанию королевства, но и ставит вопрос о его существовании. Немыслимое поднятие цен на крупичи магии воздуха и земли поставили миллионы подданных на край нищеты. По всему Флеймгорду гремят протесты, недовольство в обществе растет. На дворцовой площади уже вторую неделю проходят столкновения стражи с протестующими.

Такого еще не случалось: месторождения магии истощаются. Крупичи воздуха и земли уже превратились в роскошь, не доступную большинству. Когда то же самое произойдет с огнем и водой? Вот главный вопрос, интересующий Штормхолд.

От его величества и Совета Магов требуют решительных действий, и буквально накануне стало известно: когда на кону благополучие мира, нет места личным драмам и слабостям. Давно забытые ритуалы вновь призваны обратить на Штормхолд внимание богов. В последний день лета, на закате, богиня хаоса и смерти примет дар его величества. И мы воздаем дань уважения принцессе Катарине, жертвующей ради Штормхолда и его подданных своей душой. И надеемся, что Таара обратит пламя хаоса на наше благо».

Что за...

— Я же говорил: не читай.

— Он сошел с ума?

— Нет. Сайлер не сошел с ума. Он... м-м-м... преследует свои цели.

— Он помогает Акориону?

— Нет. Но видишь какая штука? Эрстенни и фон Эйры подняли цены на крупичицы, мотивируя это истощением месторождений. Куча народа осталась без магии, работы, еды. Голод, паника, протесты, народ призывает распустить к чертям Совет Магов, раз им больше не позволяют колдовать. Ну и Сайлеру удалось убедить Совет, что Таара поможет Штормхолду в обмен на древний ритуал, о котором все забыли.

— Принцесса для свиты. Да он псих! Она же его дочь!

— Для королей трон всегда был дороже жен, детей и даже души.

— Я такой херни не говорила! Мне не нужна Катарина!

— А Сайлеру не нужно твое благословение. Ему нужен образ беззаветно преданного людям короля, пожертвовавшего ради народа всем. Поэтому Катарина считает, что спасает людей, Совет полагает, что просит помощи у забытой богини, а король поднимает — как там у вас говорят? — рейтинг.

— И ты с ним дружил!

— Я с ним не дружил, я с ним взаимовыгодно сотрудничал.

— Ты что, не мог ничего сделать?! Рассказать, как все на самом деле? Ты же в Совете!

— Я из него исключен, — усмехнулся Крост.

— Капец! — в голосе прорезались истерические нотки. — Бога исключили из Совета Магов его же мира!

— Зато мы почти собрали Совет Богов.

— И Совет Богов советует королю пойти в задницу.

— Нам нужна печать — и можно отправлять официальную ноту протеста.

— Смешно. Но почему ты не вмешался?

— Я думаю. Время еще есть.

— У меня пропал дар речи!

— Наконец-то. Я уже и не надеялся.

Я допила остатки вина и, поняв, что хуже уже не будет, перевернула страницу. Что в этом дурдоме еще случилось?

— Суд по делу Брины ди Файр? Ее что, судят? За что?!

— За покушение на убийство. Считаешь, повод недостаточный?

— Он ее заставил, — сказала я. — Против Акориона обычному человеку не выстоять.

— Я знаю. Но официально Акорион — это Дэвид Даркхолд, темный маг, бросивший вызов безопасности, независимости и единству Штормхолда. Не смотри на меня так, это из статьи. Стычка в театре просочилась в народ, пришлось выпускать легенду. Во время ее обсуждения меня и исключили из Совета. Надо сказать, времени стало значительно больше.

— Но... — Я бегло пролистала газету. — Здесь парочка статей о темной магии вообще. А если они ее запретят? Закроют школу и устроят охоту?

— Сайлер не совсем дурак. Точнее, совсем не дурак. Рискнуть пойти против меня он не решится. Против других темных тоже. Их мало, но они компенсируют численность силой. На данный момент мы в нейтралитете. Он понимает, что так или иначе разбираться с Акорионом мне. А ему — постараться удержать свою священную табуретку в том случае, если победа будет за мной. Немного обидно, конечно, я надеялся на некоторое содействие. Но давай будем честны: с королями у этого мира все не слава богам.

Я, уловив намек, снова поспешила спрятаться за газетой. Все-таки пресса — зеркало общества. В ней столько же чуши, сколько и в головах тех, кому не хватает ресурсов или желания разбираться самостоятельно. Наверное, прибыли у них сейчас сумасшедшие.

— Ну, раз я жива, Брину ведь не посадят? Подумаешь, пырнула ножичком подругу... да мало ли какая женская дружба бывает. Это они еще к Балу Огня не готовились. Там каждая вторая мысленно превращалась в маньяка.

— Все не так просто. Бриана — инструмент давления на Бастиана. А Бастиан — кость в горле Сайлера и Акориона. Поэтому они отвергли версию о ментальном внушении, засунули Брину в закрытую школу на то время, пока детективы работают, и готовят прошение о смертной казни. За-

конники Бастиана одновременно с этим пытаются настоять на заключении. Но, думаю, последует какое-то предложение для ди Файра, от которого он не сможет отказаться.

— Смертную казнь?! Они психи!

Крост невесело хмыкнул. Демоны, лучше бы я спала! Лучше бы изображала умирающую (а точнее — оживающую) девицу и еще полгода передвигалась по дому с исключительно несчастным видом.

— И какой мотив? Брина убила подружку, просто потому что гладиолус?

— Ревность.

— Э-э-э?

— Обвинение утверждает, что между Бастианом и Бриной были отношения, выходящие за рамки отношений брата с сестрой. Он начал встречаться с тобой, Брина взбесилась и попыталась тебя убить. Положение Бастиана осложняет то, что он пытался спрятать ее. Законники его, конечно, отмазали состоянием глубокого шока. Парень проснулся и нашел мертвую девушку и сестру без сознания рядом. Но вся эта история в глазах обывателя выглядит дурно.

— Так. Кто подарил Сайлеру книжки с легендами про богов? Он явно оттуда черпает идеи. Черт... закрытая школа. Я почти ничего о ней не знаю, почему Брину туда поместили?

— Ее нельзя держать в тюрьме, магия слишком сильная. Поэтому Брина ждет суда там, где эту магию нейтрализуют.

Быстро вспомнились пары по нейтрализации, где Крост, усмехаясь, сказал, что это всего лишь красивое слово для маскировки убийства. А еще были занятия в лесу — демоны, как же давно! — где в эмоции, в самое нутро, нагло и болезненно лезли без предупреждения. Если Брина уже полгода там...

— Надо ее вытащить.

— Да, полагаю. Но сейчас любое решительное действие — гвоздь в крышку гроба Бастиана. А он, к сожалению, нам нужен. Нельзя допустить, чтобы его в чем-то обвинили, потому что иначе ему придется или сесть, или бежать. Акорион тогда откроет бутылочку игристого.

— Никогда в жизни мне еще так не хотелось поделить братика на ноль!

— Согласно математике твоего мира, деление на ноль — что принимается делением на бесконечно малое число — дает бесконечность. Зачем нам бесконечное количество Акрионов?

Я посмотрела на него, пытаюсь понять, шутка это или Крост и вправду так занудствует?

— Это устойчивое выражение, — наконец буркнула я.

Первые лучи яркого утреннего солнышка меж тем отразились от стеклянной дверцы шкафа, бросая солнечных зайчиков на предметы. Я вместе с креслом отодвинулась, чтобы не жмуриться.

— И что делать? — вопросительно посмотрела на Кроста. Он пожал плечами.

— Думать. Поэтому мы здесь. Поэтому мне пришлось купить дом в Спаркхарде. Занятия начнутся через несколько недель. За это время нужно решить, как представить тебя в школе, как объяснить твои крылья. Ты точно не можешь их спрятать?

— Не могу. Они же из меня растут. В отличие от твоих приставных рогов.

— Ты не можешь прикрутить свою язвительность? Начинаешь напоминать своего огненного приятеля.

— Извини. — Я потеряла глаза и зевнула.

Пожалуй, мне стоило еще поспать, но в то же время надеяться, что с такими новостями получится уснуть, было бы глупо.

— Ты не хочешь с ним поговорить? — вдруг спросил Кейман, и я мысленно сжалась в кресле.

— Я...

— Будешь устраивать мне в школе новый сезон сериала «Деллин и ребята»?

— Мне надо прийти в себя.

— А ему нет? Я не самый большой поклонник Бастиана ди Файра, но заслуживает он хотя бы знать, что Деллин Шторм все же жива?

— Я поговорю с ним, когда появится возможность съездить во Флеймгорд. Сейчас путешествие дастся мне тяжеловато.

— Он здесь.

— Что? — Я вскинула голову.

— Дома Огня и Воды перенесли основные резиденции в Спаркхард. Бастиан и Уотерторн здесь. Мотаются во Флеймгорд каждую неделю, конечно, но у нас не осталось вариантов. Флеймгорд под полным контролем Сайлера. А здесь есть возможность работать сообща.

Кажется, больше ничто в мире не было способно ввергнуть меня в удивление. Хотя Крост явно мог с этим поспорить. И не стал выжидать удобного момента, огорошил сразу.

— То есть ты работаешь с Бастианом и Ареном Уотерторном над планом по уничтожению Акориона, в то время как король в столице занимается каким-то мракобесием, принося жертвы и рассказывая сказки?

— Да, как-то так.

— Есть еще что-то, что мне лучше знать? Кейман, скажи сразу, потому что когда челюсть падает на пол — на ней остаются синяки.

— Яспера ушла из школы и работает на Бастиана.

— Потрясающе. Просто работает? Или умудряется сочетать приятное с полезным?

— Нет уж, обсуждать сплетни я не собираюсь. Сама спросишь при случае.

— Как вообще это возможно? Они ведь ненавидели друг друга!

Крост пожал плечами.

— Я не знаю. Она ушла из школы, искала работу, он ей ее предложил. Яспера хороший маг, способности демона только добавляют ей плюсов. А ди Файр может ее защитить. Лучше он, чем королевская стража.

— Но ведь она должна была работать на корону... а короли стихий не относятся к официальной власти Штормхолда.

— Зато у них куча денег, чтобы можно было устроить все, что пожелается.

— Понятно. Мир перевернулся с ног на голову. Хорошо... как дела у Аннабет?

Я затаила дыхание, готовясь услышать что-то вроде «Аннабет сбежала из школы и подалась в гастролирующий цирк, полный карманников и мошенников».

— С ней все прекрасно. Схлопотала четыре тройка за год, совершенно искренне обиделась, что не дали зарабатывать на сплетнях из школы. А поскольку после запрета ее выгнали из редакции, то, подозреваю, меня считают жутким тираном, хладнокровно задушившим одновременно юный талант и свободу слова в Спаркхарде.

— Ну, хоть что-то не поменялось. Мне нужна одежда. Я с трудом нашла платье с открытыми плечами, но не могу же ходить в нем вечно. И форму придется шить новую. А еще как-то объяснить народу, откуда у меня выросли крылья.

— С этим как раз нет проблем, — ответил Крост. — Некоторые демоны вполне себе имеют крылья. Это редкость и вызовет удивление, но в целом мы сможем объявить всех сомневающихся неучами и отправить на пары нейтрализации. Демоны, увы, не редкость. Побудешь, так сказать, существом классом пониже. Временно. А за одеждой обратись к Алайе. Она сирена, ты не вызовешь у нее удивления.

— Пойдем? — Я с надеждой взмахнула крыльями.

Аж напугалась. Ну и конечности!

— Сейчас? Ты страшная женщина, дай мне поспать.

— Ты сам не спал. Я выспалась.

— Тогда иди... я не знаю, приведи волосы в порядок, найди обувь, наточи когти, залезь на балку под потолком и поспи вверх тормашками. А в обед мы сходим к Алайе.

— Хорошо, — пробурчала я. — В обед.

В душ и вправду стоило сходить, впрочем, вряд ли у Кроста найдутся зелья для волос. Ох и намучаюсь я с этими кудрями. Прошлый мышиный хвостик бледно-шоколадного цвета как-то был проще в уходе.

— Ты сама к нему сходишь или мне рассказать, что здесь случилось? — уже у самой двери меня догнал вопрос.

Я поморщилась. Но Крост этого не видел, крылья за спиной надежно скрывали меня от его взгляда.

— Скажи сам.

— Трусиха.

— Да. Наверное. Бастиан имеет право знать, но... ему не нужна такая Деллин.

— Откуда ты знаешь?

Я улыбнулась. Хотела равнодушно, небрежно, как будто мне совсем наплевать. Получилось вымученно и обреченно.

— Он сам об этом сказал. Он пообещал.

Глава 2

Крост снова уколол меня булавкой.

— Да не дергайся ты! — не выдержал.

— Прости. Они не до конца меня слушаются.

Демоны демонами, а перед выходом пришлось надеть длинный черный плащ, чтобы хотя бы частично скрыть крылья. Они, конечно, болтались за спиной и привлекали внимание, но хотя бы просто фактом наличия, а не специфическим видом.

— Почему ты не могла отрастить... я не знаю, хвост? Смог тал в рулон и спрятал в карман.

— И как на нем летать? Вертеть, как пропеллером? Я тебе Карлсон, что ли? Который живет на крыше?

— А ты вообще на них летать-то пробовала?

Я закусила губу. После возрождения не пробовала. Я вообще усиленно старалась забыть, что еще час назад меня едва не стошнило оттого, что я крутилась вокруг оси, пытаясь поймать и рассмотреть, как эти крылья крепятся к спине. Почему раньше такие вопросы меня не волновали?

А еще я разбила люстру и мелочно надеялась, что Кейман не узнает.

— Все. Готова.

Плащ оказался застегнут, и если я держала крылья сложенными, их почти не было под ним заметно. Проблема